

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕХНОНАЦИОНАЛИЗМА

Иван Данилин*

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М.Примакова
Российской академии наук

ORCID: 0000-0002-4251-1998

© И.Данилин, 2021 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43

Аннотация «Технологическая война» между США и Китаем, начавшаяся в 2017–2018 годах, ставит целый ряд вопросов о будущей роли технологического фактора в отношениях между сверхдержавами. Анализ причин текущего конфликта показывает, что он связан с изменением баланса рисков и выгод либеральной модели глобализации для США из-за усиления Китая на фоне усиливающегося геополитического противостояния. В этих условиях перспективные, особенно цифровые, технологии становятся новым полем борьбы сверхдержав. В рамках логики политического реализма ключевые игроки рассчитывают за счет новых технологий усилить свои позиции в глобальной системе. Это, помимо прочего, ведет к возрастающей секьюритизации технологической повестки, усиливая ее геополитический аспект. Платформой, обеспечившей интеграцию разных процессов и задач в единую политику США, стал неотехнонационализм. Хотя исторически данный феномен развивался в Азии, новая ситуация на рынках привела США к переосмыслению существующих подходов и к усилению технонационалистического акцента в их политике. На фоне подходов, применяемых в этой сфере Китаем и ЕС, реализующим политику цифрового суверенитета, все это определяет формирование новой реальности технологических «блоков», борьбы за экспансию технологий и технологических конфликтов. Представляется, что с учетом требований развития мировой экономики и постепенного выявления областей взаимных интересов, по мере приближения новых цифровых технологий к стадии зрелости, возникнет поле для нормализации диалога сверхдержав в этой области. Однако, по крайней мере, между США и КНР проблема будет осложняться геополитическими противоречиями, не предполагающими возможность достижения значительного компромисса.

Ключевые слова цифровые технологии, США, КНР, технологическая война, технонационализм, технологический суверенитет, геополитика

Title The U.S.-China technological war through the prism of techno-nationalism

Abstract The “technological war” between the United States and China that started in 2017–2018 raises a number of questions about the future role of technological development as a factor in relations between superpowers. Analysis shows that

* Данилин Иван Владимирович – заведующий Отделом науки и инноваций ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Ivan Danilin is the Head the Department of Science and Innovations, Primakov National Research Institute of the World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow.

for the United States this conflict is caused by changing balance of risks and benefits of the liberal model of globalization due to the rise of China's power and growing geopolitical tensions between the two nations. In this context, emerging, especially digital, technologies appear to be a new battlefield between superpowers. Within the realist framework, actors consider emerging technologies as a key factor for strengthening their global postures. This, among other things, contributes to securitized technological agenda and strengthens its geopolitical dimension. Neo-technonationalism has become the platform that integrates different processes and goals into new U.S. policy. Although historically neo-technonationalism took its roots in Asia, the evolving market situation prompted the United States to rethink existing approaches and to upgrade the techno-nationalist dimension of its policy. Considering similar policies of China and the EU (i. e. the European digital sovereignty policy), this trend shapes new realities of technological "blocs", the struggle for expansion of technological platforms, and technological conflicts. Taking into account prospective development needs of the global economy and future specification of mutual interest areas, as new digital technologies mature, the ground for normalizing the dialogue between the superpowers will emerge. However, at least in the U.S.–China case, this issue will be complicated by geopolitical contradictions that leave little room for any serious compromise.

Keywords digital technologies, United States, China, technological war, techno-nationalism, technological sovereignty, geopolitics

I. Введение

Обострение напряженности в американско-китайских отношениях и формирование американской политики по сдерживанию растущей мощи КНР, обозначившиеся еще при Б.Обаме, при Д.Трампе вышли на принципиально новый уровень. Помимо жесткого внешнеполитического прессинга, включая усилия по формированию антикитайских региональных альянсов, администрация инициировала торговую войну, введя заградительные тарифы и оказывая давление на Пекин в ходе торговых переговоров.¹ Постепенно акцент в политике США стал смещаться на сферу высоких технологий – прежде всего, информационно-коммуникационных (ИКТ), или цифровых.

К концу президентства Трампа это направление противостояния стало одним из важнейших, получив название «технологической войны». С 2018 г. и особенно с 2019 г. США последовательно вводили санкции и прочие формальные и неформальные ограничения против китайского технологического сектора.²

Основными мишенями первоначально были избраны китайские компании "Huawei" и "ZTE". Выбор именно их определялся тем, что это крупнейшие и наиболее инновационные компании КНР в сфере электроники, дающие серьезный импульс как ИКТ-отрасли, так и инновационному развитию Китая в целом. Начало было положено блокированием распространения телекоммуникационных технологий пятого поколения "Huawei" в американских сетях и принуждением союзников и партнеров США в разных странах мира к отказу или к существенному сокращению закупок китайского оборудования 5G. Следующим шагом стала борьба против развития микроэлектронного бизнеса "Huawei", а позднее и других компаний КНР, особенно контрактного производителя электроники "SMIC". С середины 2019 г. в фокус санкционной политики США также попали передовые малые, средние и крупные компании в сфере таких наиболее перспективных технологий, как искусственный интеллект, облачные данные и суперкомпьютеры.

Возросло и давление со стороны США на гигантов онлайн-индустрии “ByteDance” (владельца “TikTok”), “Alibaba” и “Tencent”. С конца 2019 г. началась систематическая политика ограничения доступа всех китайских субъектов к американским рынкам «умного», в т. ч. венчурного, капитала, академической науке и прочим источникам и центрам критических технологий и компетенций.

Несмотря на поражение Д.Трампа на выборах 2020 г. и приход к власти команды Дж.Байдена, ситуация в сфере давления на КНР, в т. ч. в области цифровых технологий, не изменилась, что подтверждает долгосрочный характер технологического противостояния.

Между тем возникает ряд вопросов относительно характера и перспектив американо-китайского технологического противостояния. Безусловно, есть немало исторических аналогов таких торговых войн и геополитических конфликтов, в которых были задействованы технологические санкции и другие подобные ограничения.³ Однако текущее американо-китайское противостояние носит во многом беспрецедентный характер. Это объясняется, прежде всего, центральной ролью в нем перспективных коммерческих цифровых технологий, которые рассматриваются обеими сторонами в качестве ключевого элемента формирования национальной мощи. В этом контексте встает вопрос о том, является ли эта «технологическая война» конъюнктурным фактором или же мы наблюдаем изменения на уровне стратегии великих держав и, шире, геополитических конфликтов на перспективу. В решении данной задачи большое значение имеет анализ современной роли цифровых технологий в геополитическом противостоянии ведущих мировых держав, а также концептуальных основ и истоков текущей стратегии США как инициатора конфликта.

II. Геополитизация цифровых технологий

Устойчивый рост геополитической составляющей перспективных технологий (emerging technologies) возобновился, как минимум, с конца 2000-х годов, что отразилось, в числе прочего, на американской политике в отношении КНР. В данной статье не рассматривается влияние отдельных ограничений на поставки вооружений в Китай после событий на площади Тяньаньмэнь и на взаимодействие в космической сфере с конца 1990-х годов, а также противодействие отдельным экономическим практикам КНР в 2000-е годы.

Систематические ограничения по отношению к технологическому сектору КНР стали вводиться с приходом к власти администрации Б.Обамы в 2009 г.⁴ Исходные причины этих ограничений имели, прежде всего, экономический характер. Они определялись успешной политикой КНР по развитию национального промышленного и технологического потенциала, дезавуировавшей те преимущества, которые США получили от либеральной модели глобализации торгово-инвестиционных процессов в 1990-е годы: доступ к новым рынкам и дешевой рабочей силе при первенстве в ключевых факторах конкурентоспособности, включая новейшие технологии, институты инновационного развития и человеческий капитал. Американо-китайское соперничество усиливалось благодаря тому, что в его фокусе чем дальше, тем больше оказывались именно цифровые технологии.

ИКТ представляют собой классический пример технологий широкого применения (General Purpose Technologies, GPT), то есть технологий, дающих широкий комплекс значимых экономических эффектов за пределами той отрасли, в

рамках которой они были разработаны. Как минимум с 1960-х годов роль ИКТ в развитии экономики, военного дела и социально-культурной сферы постоянно растет. Учитывая волнообразный характер цифрового развития («революция» полупроводников и появление первых массовых компьютерных систем в 1960-е – 1970-е годы, «революция» персональных компьютеров в конце 1970-х – 1980-е годы, интернет-революция 1990-х годов) и бурный рост в последние полтора десятилетия целого ряда технологий с огромным трансформационным потенциалом (прежде всего, искусственного интеллекта и больших данных), период второй половины 2010-х – 2020-х годов можно рассматривать как очередной этап цифровой трансформации. Помимо ускоренного развития интеллектуальных инфраструктур и производств, влияние новых цифровых решений возрастает даже в такой специфической сфере, как внешняя и международная политика, включая широкий диапазон практик от Twitter-дипломатии до распространения «мягкой силы».⁵

Неудивительно, что на этом фоне глобальная конкуренция в цифровой сфере нарастает, а на первый план в дискуссиях по цифровым технологиям выходит тематика лидерства и силы. Помимо акцентирования внимания на лидерстве на рынках будущего (в т. ч. как на определяющем факторе развития национального экономического потенциала), это привело к осмыслению цифровых технологий в геополитических категориях. Наиболее показательна в этом отношении тематика искусственного интеллекта (ИИ), имеющего как экономические, так и военно- и международно-политические измерения.⁶ Анализ американской, российской и ряда иных национальных стратегий развития ИИ, а также сопутствующих им документов и заявлений говорит о восприятии технологического фактора в категориях, предельно близких к геополитической концепции Х.Маккиндера.⁷ Показательно высказывание российского президента В.Путина, сформулировавшего восприятие ИИ мировыми политическими элитами: «Если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта ... тот станет властелином мира».⁸

Идущая «технологическая война» не является узко специализированной и связанной лишь с ИИ. Аналогичная картина наблюдается, например, в сфере телекоммуникационных технологий пятого поколения (стандарты 5G), имеющих ключевое значение для масштабирования «интернета вещей» вплоть до интеллектуальных инфраструктур, развития новых потребительских систем (смартфонов и связанных с ними сервисов), обеспечивающей их микроэлектроники и т. д.

В результате современная политика в сфере перспективных цифровых технологий приобретает черты, схожие с ядерной, космической и прочими «гонками» периода «холодной войны», что интуитивно ощущают даже далекие от политологии и международных отношений исследователи.⁹

Прямым следствием геополитизации цифровых технологий является секьюритизация¹⁰ цифровой повестки, способствующая превращению конкуренции в данной сфере в борьбу держав. Во многом это следствие более обширного тренда, связанного с поэтапным нарастанием в последние два десятилетия секьюритизации стратегических ресурсов в целом: от углеводородов до космического пространства.¹¹ Однако цифровые технологии, в силу их особого, повышенного значения, начинают выделяться на общем фоне. Ярким примером может служить ситуация с китайскими технологиями 5G. США позиционировали широкое использование этих технологий в телекоммуникационных сетях различных стран как источник множественных рисков и угроз: от шпионажа и

утечек личных данных в интересах КНР до уязвимости национальной инфраструктуры.

Данный процесс в значительной мере подпитывается размыванием американской гегемонии в сфере ИКТ. Одним из примеров этого может служить дискуссия о киберрисках для демократии, пришедшая в 2010-х годах на смену дискуссиям об угрозах хакерских атак и интернет-терроризме. До 2000-х годов в духе техносологизма¹² еще обсуждалась роль ИКТ для распространения либеральных ценностей, что нашло свое, вероятно, последнее выражение в дискуссиях об «арабской весне».¹³ Однако по мере укрепления китайских ИКТ-возможностей и роста аналогичных потенциалов иных стран акцент в восприятии соответствующих проблем стал быстро смещаться в сторону киберугроз западной системе ценностей и свобод со стороны «авторитарных режимов».¹⁴

По отдельности все эти феномены и процессы еще не складывались в полноценную политическую стратегию в сфере глобальных геополитических и «геотехнологических» процессов и конфликтов. Одной из причин этого было явное противоречие между геополитической составляющей и секьюритизацией, с одной стороны, и организацией и идеологией рынков «хай-тек», построенных на принципах открытости и все более широкой интернационализации, и обеспечивающей их торгово-инвестиционной политикой, с другой стороны. Платформой, объединяющей новые подходы и предопределившей как «технологическую войну» 2018–2020 годов, так и геотехнологическую политику держав на, как минимум, среднесрочную перспективу, стала скорректированная версия технонационализма.

III. Технонационализм: от азиатского дискурса к глобальному мейнстриму

Формально концепции и практики технонационализма берут свое начало в так называемой мобилизационной модели экономического роста стран догоняющего развития. Речь в данном случае идет об осмыслении в категориях политической науки хорошо знакомых экономистам стратегий и практик: «государства развития» (“developmental state”) и экспортоориентированной модели экономического роста.¹⁵

Изначально концепция технонационализма появилась как интерпретация японской промышленно-технологической политики, которая рассматривалась в т. ч. в контексте угрозы национальной экономической безопасности США (со стороны Японии) и в русле экономической версии современных концепций технологического суверенитета.¹⁶

Однако уже в 1990-е годы, по мере снятия барьеров для инвестиций и торговли, данный феномен и его концептуализация претерпели существенные изменения. Не только Гонконг и Тайвань, но и следующее поколение новых индустриальных стран (Китай, страны Юго-Восточной Азии) двигались по иной траектории. Сохраняя акцент на формирование национальной промышленно-технологической базы и стимулирование создания собственных «национальных флагманов», они задействовали инструменты либеральной экономической глобализации. Речь, прежде всего, шла о привлечении прямых иностранных инвестиций и включении отечественных компаний в глобальные стоимостные цепочки западных транснациональных корпораций для расширения доступа к ресурсам и компетенциям. Это новое сочетание классических протекционистских и глобальных либеральных торгово-экономических подходов получило название «неотехнонационализма».

Хотя формально речь в основном шла об экономических проблемах и политике развития, эксперты уже тогда стали обращать внимание на вопросы, связанные с различными измерениями силы (с точки зрения международных отношений), влияния и безопасности.¹⁷ Промышленно- и инновационно-технологический потенциалы, включая современные индустрии хай-тек, имеют конкретное значение для национальной, в т. ч. экономической, безопасности и совокупной мощи. Неудивительно, что, по мере усиления экономических и технологических позиций КНР, отношение к идеям технонационализма стало постепенно меняться. Сама тематика стала все чаще формулироваться в категориях реализма¹⁸ и обретать все более выраженное геополитическое звучание (особенно при обсуждении китайской политики в данной сфере).¹⁹

Наряду с этим азиатские и, прежде всего, китайские подходы стали оказывать растущее влияние на восприятие Соединенными Штатами подходов к собственной глобальной техноэкономической политике. Следует отметить, что хотя феномен (нео)технонационализма и рассматривается в западной литературе едва ли не исключительно по отношению к КНР, близкие по духу подходы исторически практиковались и странами Западной Европы, и самими США. Однако в 1980-е годы, по мере развития глобализации, такие подходы рассматривались в западных странах преимущественно как маргинальные. Наиболее развитые страны перешли к более мягким подходам и инструментам, отчасти, впрочем, также имевшим технонационалистическую природу.²⁰

Резкое усилие Китая в 2010-е годы и его прорыв на лидерские позиции по отдельным научно-технологическим направлениям и индикаторам (объему затрат на исследования и разработки, численности специалистов, занятых в секторе науки и технологий, экспорту хайтека и т. п.) привели к частичному пересмотру Соединенными Штатами прежних либеральных подходов. Помимо попыток формирования новой, более современной, версии «государства развития» в годы правления администрации Б.Обамы, это выразилось в постепенном распространении идей о необходимости ограничить экспансию китайских технологий и продвигать американские технологические платформы и решения.

Поначалу инструментарий этого направления политики США в основном включал формирование региональных торгово-экономических режимов, параллельных глобальному режиму и эксклюзивных в отношении КНР. Это, прежде всего, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP) и его восточный аналог – Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP).

Однако с приходом к власти администрации Д.Трампа в политике США усилились акценты, традиционные для политического реализма, и элементы экономического национализма. Этот процесс привел к формированию обновленной версии американской неотехнонационалистической стратегии. Она была частично основана на уже сформировавшихся подходах по наращиванию государственного вмешательства в развитие критических технологий, получивших второе рождение при Б.Обаме. При этом ее внешнеэкономический аспект приобрел качественно новое звучание и инструментарий, став в определенной степени стержневым, как и геополитические мотивы и секьюритизация, определившие приоритетность нового направления политики США, вполне соответствующего духу неотехнонационализма. Оно имеет два измерения.

Первым измерением является упор на технологический суверенитет. Он предполагает не только формирование мощного человеческого капитала, научно-технологической базы и т. п., но и снижение зависимости от внешних

источников технологий (особенно стран-оппонентов) и обеспечения выпуска наиболее важной технологической продукции. В то же время новый подход выраженно отличается от условно-классического неотехнонационализма, поскольку постулирует необходимость сохранения доступа к глобальным научно-технологическим и производственным ресурсам, в т.ч. как к факторам обеспечения конкурентоспособности США в системе глобального разделения труда. Отличие американского подхода от китайского можно условно рассматривать в логике противопоставления соответствующих представлений о способности к технологической автономии и минимально достаточном уровне производственно-технологической самостоятельности.

Помимо роста инвестиций в ряд критических технологий, в этом контексте следует упомянуть и растущую ставку на поддержку локализации критически значимых технологий и технологических производств через решоринг²¹ и привлечение иностранных и отечественных гринфилд-инвестиций.²² В последнем отношении наиболее показательными стали два запущенных в 2020 г. проекта.²³ Речь идет, в частности, о неформальном соглашении США с технологическим и производственным лидером в сфере контрактного производства сложных электронных систем тайваньской “TSMC” о строительстве завода по производству высокопроизводительных чипов 5-нанометровой технологии в Аризоне (предполагаемая стоимость проекта составила 12 млрд. долларов). Еще одному проекту дало старт решение о финансовой поддержке правительством США (в форме займа в 765 миллионов долларов от Международной финансовой корпорации развития США) строительства завода “Kodak” по выпуску химических субстанций для американской фармацевтики.

Вторым измерением американской политики в этой сфере стала поддержка технологического лидерства США путем максимального продвижения (в т.ч. с использованием (гео)политических инструментов от альянсов до санкций) американских технологических платформ на внешние рынки при параллельном воспрепятствовании экспорту критических технологий из КНР на ключевые рынки. Таким образом, речь шла о сочетании стратегии «технологической войны» с активизацией внешнеэкономической деятельности самих США.

Тот факт, что приход в Белый дом очередной администрации никак не сказался на основных направлениях технологического давления на Китай, показывает, что «технологическая война» и, шире, геотехнологическая повестка являются не просто временными или конъюнктурными, а долгосрочными факторами, отражающими ключевую парадигму новой стратегии США.

IV. Заключение

Геотехнологическая повестка, включая «технологические войны», пришла в мировую политику всерьез и надолго. Это, прежде всего, объясняется отказом Вашингтона от прежней, более либеральной парадигмы глобальных торгово-инвестиционных режимов как более не отвечающих экономическим интересам США в условиях обострения геополитического соперничества с КНР. Учитывая роль научно-технологического фактора, особенно цифровых технологий, в этом процессе, альтернативы скорректированной неотехнонационалистической повестке у США нет.

Помимо изменения американских стратегий и воззрений, реальность этого нового, более технонационалистического, мира поддерживается и позицией остальных крупнейших игроков.

Во-первых, не планирует отказываться от своих неотехнонационалистических подходов Китай. Более того, за счет «технологической войны» политика обеспечения технологического суверенитета в этой стране явно получила принципиально новый импульс. Активно развивается ее направление, ориентированное вовне и связанное с экспансией китайских цифровых технологий в развитые страны и в рамках концепции «Цифрового Шелкового пути» как органической части мегапроекта «Пояс и путь».²⁴ Хотя, казалось бы, современные условия диктуют необходимость отказа от наиболее жестких форм технологического суверенитета и экспансии в пользу более разумной и сбалансированной стратегии взаимодействия с партнерами, геополитические соображения и факторы препятствуют эволюции политики Пекина в этом направлении.

Аналогичная картина, хотя и со своей региональной спецификой, наблюдается и в Европе. Неотехнологические мотивы хорошо вписываются в тренды протекционистской политики европейских стран, сформировавшиеся на фоне кризиса 2008–2009 годов.²⁵ При этом слабость ЕС в сфере цифрового развития подталкивает Европу к развитию политики цифрового суверенитета.²⁶ Пока эта политика преимущественно направлена против США и их гигантских цифровых монополий, доминирующих на рынках ЕС, однако она также имеет и усиливающуюся антикитайскую составляющую. Хотя внешнее измерение европейской политики в этой сфере слабее, чем у основных конкурентов, в силу отсутствия в Европе по-настоящему глобальных цифровых гигантов, мотивы «техносuverенитета» все равно вписываются в европейский технонационалистический дискурс.

Ввиду сохраняющейся важности прочных международных связей между всеми глобальными игроками, США, ЕС и Китай не превращаются в отдельно существующие миры, как это было в период «холодной войны» между США и СССР и соответствующими блоками. Однако и о единой глобальной системе больше говорить не приходится: противоречия в целях технологического развития между новыми условными блоками обостряются, а подходы к цифровому развитию все сильнее отдают (гео)политическим реализмом. В этих новых условиях жесткие конфликты в технологической сфере возможны, но все же маловероятны. Во-первых, они чреваты негативными последствиями для сектора хай-тек и мировой экономики в целом, вплоть до разрушения сложившихся рынков или глобальных стоимостных цепочек. Кроме того, в контексте американо-китайского противостояния такие конфликты опасны в условиях формирования у КНР (а в будущем и у иных стран-объектов технологического давления) собственного критического технологического потенциала, что явно выходит за пределы целеполагания США и ЕС. Тем не менее, те или иные геотехнологические конфликты остаются вероятными ввиду стремления каждого из блоков к технологической экспансии.

Ситуация может нормализоваться только ближе к концу новой волны цифрового развития, когда прояснится реальный баланс «цифровых сил», и области критических взаимных интересов и компромиссов обретут более четкие очертания. Однако этот процесс обещает быть долгим и болезненным, тем более что он тесно связан с традиционной геополитической повесткой, явно не предполагающей устойчивых компромиссов между такими глобальными игроками, как США и Китай.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35–46; Новоселова Л. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 76–84.

² Подробнее см., например: Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 160–176.

³ Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The political economy of economic sanctions // Handbook of Defense Economics. V. 2. Eds. T.Sandler and K.Hartley. – Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 867–911; Hufbauer C.G., Schott J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. 3d ed. – Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2008.

⁴ Данилин И.В. Ук. соч.

⁵ См., например: Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. С. 445–468; Ross A. Digital diplomacy and US foreign policy // The Hague Journal of Diplomacy. V. 6. № 3–4. 2011. P. 451–455.

⁶ Allen G., Chan T. Artificial Intelligence and National Security. – Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2017; Briscoe E., Fairbanks J. Artificial scientific intelligence and its impact on national security and foreign policy // Orbis. V. 64. № 4. 2020. P. 544–554; Artificial Intelligence and National Security. CRS Report Prepared for the Members and Committees of Congress no. R45178. – Washington D.C.: U.S. Congressional Research Service, 2020.

⁷ Примшиц Д., Голубев С. Китайский подход к ускоренному освоению технологий искусственного интеллекта // Наука и инновации. 2019. № 4. С. 43–50; Fatima S., Desouza K.C., Dawson G.S. National strategic artificial intelligence plans: a multi-dimensional analysis // Economic Analysis and Policy. V. 67. 2020. P. 178–194; Roberts H., Cowls J., Morley J. et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // AI & Society. V. 36. 2021. P. 59–77; Petrella S., Miller C., Cooper B. Russia's artificial intelligence strategy: the role of state-owned firms // Orbis. V. 65. № 1. 2021. P. 75–100; Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence. Executive Order no. 13859 of February 11, 2019. A Presidential Document by the Executive Office of the President, 14 February 2019. The Federal Register. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (accessed 01.12.2020); Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения 10.03.2021). См. также неофициальный английский перевод китайского плана в сфере ИИ на сайте Японского передового института науки и технологий: A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan. State Council Notice on the Issuance of the Next Generation Artificial Intelligence Development Plan. 8 July 2017 // Japan Advanced Institute of Science and Technology (JAIST) web-site. URL: <http://www.jaist.ac.jp/~bao/AI/OtherAIstrategies/A%20Next%20Generation%20Artificial%20Intelligence%20Development%20Plan%20C2%AB%20China%20Copyright%20and%20Media.pdf> (accessed 01.05.2021).

⁸ Путин: монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира // ТАСС. 30.05.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6489864> (дата обращения 01.12.2020).

⁹ Fatima et al. Op. cit.

¹⁰ Концепт секьюритизации подразумевает целенаправленное возведение какой-либо проблемы в ранг вопроса безопасности тем или иным актором. См.: Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.

¹¹ Подробнее см.: Johnson-Freese J., Erickson A.S. The emerging China–EU space partnership: a geotechnological balancer // *Space Policy*. V. 22. 2006. P. 12–22.

¹² Техносолюционизм – убежденность в том, что новые технологии сами по себе станут решением многих существующих вызовов.

¹³ См., например, Sullivan A. The revolution will be twittered // *The Atlantic*. 13 June 2009. URL: <https://www.theatlantic.com/daily-dish/archive/2009/06/the-revolution-will-be-twittered/200478> (accessed 01.02.2021).

¹⁴ Helbing D., Frey B.S., Gigerenzer G., Hafen E., Hagner M., Hofstetter Y., Van den Hoven J., Zicari R.V., Zwitter A. Will democracy survive big data and artificial intelligence? // *Scientific American*. 25 February 2017. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/will-democracy-survive-big-data-and-artificial-intelligence> (accessed 10.01.2021); Polonski V. 2017. How artificial intelligence silently took over democracy // *World Economic Forum*. 9 August 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/08/artificial-intelligence-can-save-democracy-unless-it-destroys-it-first> (accessed 10.03.2021); Hansen L., Nissenbaum H. Digital disaster, cyber security, and the Copenhagen School // *International Studies Quarterly*. V. 53. 2009. P. 1155–1175.

¹⁵ О феномене государства развития и сопутствующих концепциях см.: Wade R.H. Bringing the state back in: lessons from East Asia's development experience // *International Politics and Society*. № 2. 2005. P. 98–115; Wade R.H. The developmental state: dead or alive? // *Development and Change*. V. 49. № 2. 2018. P. 518–546; Mazzucato M. *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. – L.: Demos, 2011. О внешнеориентированном развитии см.: Федоровский А. Южнокорейский опыт внешнеориентированного развития: уроки для России // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 7. С. 47–51; Эльянов А.Я. НТП и экономическая политика на периферии мирового хозяйства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 4. С. 74–85.

¹⁶ Reich R. The rise of techno-nationalism: in the emerging debate about how to restore America's technological pre-eminence, we are misconstruing the problem and advancing the wrong solutions // *Atlantic Monthly*. May 1987. P. 62–70. С кратким обзором эволюции термина и его значений можно ознакомиться в работе: Techno-nationalism and Techno-globalism. Ed. S.Ostry and R.R.Nelson. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1995; Montresor S. Techno-globalism, techno-nationalism and technological systems: organizing the evidence // *Technovation*. V. 21. № 7. 2001. P. 399–412; Nakayama S. Techno-nationalism versus techno-globalism // *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*. V. 6. № 1. 2012. P. 9–15; Kennedy A.B. China's search for renewable energy pragmatic techno-nationalism // *Asian Survey*. V. 53. № 5. 2013. P. 909–930; Shim Y., Shin D.-H. Neo-techno nationalism: The case of China's handset industry // *Telecommunications Policy*. V. 40. № 2–3. 2016. P. 197–209.

¹⁷ Kennedy A.B. Op. cit.; Shim Y., Shin D.-H. Op. cit.; Johnson-Freese J., Erickson A.S. Op. cit.

¹⁸ Политический реализм – парадигма в теории международных отношений, делающая акцент на роль силы в контексте межгосударственных взаимоотношений.

¹⁹ Manning R.A. Techno-nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution // *Global Asia*. V. 14. № 1. 2019. URL: https://www.globalasia.org/v14no1/cover/techno-nationalism-vs-the-fourth-industrial-revolution_robert-a-manning (accessed 10.01.2021); Kuehn A., McConnell B. *Weathering TechNationalism: A Security and Trustworthiness Framework to Manage*. – N.Y.: EastWest Institute, 2020; Capri A. *Techno-nationalism: The US-China Tech Innovation Race*. Hinrich Foundation Report. August 2020.

²⁰ Techno-nationalism and techno-globalism; Johnson-Freese J., Erickson A.S. Op. cit.; Mazzucatto M. *The Entrepreneurial State*. – L.: Demos, 2011; Wade R.H. The paradox of US industrial policy: the developmental state in disguise // *Transforming Economies: Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development*. Eds. J.M.Salazar-Xirinachs, I.Nübler, R.Kozul-Wright. – Geneva: International Labor Organization, 2014. P. 379–400; Kuehn A., McConnell B. Op. cit.

²¹ Решоринг – возвращение в страну производства, ранее перенесенного с целью его удешевления в другие страны.

²² Гринфилд-инвестиции – инвестиции в малоосвоенные территории.

²³ Wu D., King I. TSMC plans \$12 billion U.S. chip plant in victory for Trump // Bloomberg. 14.05.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-14/tsmc-to-build-chip-plant-in-arizona-with-u-s-government-support> (accessed 10.01.2021); Levy R. Kodak shifts into drug production with help of \$765 million U.S. loan // The Wall Street Journal. 28 July 2020.

²⁴ Yong H. Construction of Digital Silk Road lights up BRI cooperation // People's Daily. 24.04.2019. URL: <http://en.people.cn/n3/2019/0424/c90000-9571418.html> (accessed 12.12.2020); Triolo P., Allison K., Brown C., Broderick K. The Digital Silk Road: expanding China's digital footprint // Eurasia Group. 08.04.2020. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint-1.pdf> (accessed 10.01.2021); Greene R., Triolo P. Will China Control the Global Internet via Its Digital Silk Road? Carnegie Endowment for International Peace Commentary. 8 May 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/05/08/will-china-control-global-internet-via-its-digital-silk-road-pub-81857> (accessed 01.04.2021).

²⁵ Sun H. U.S.-China tech war impacts and prospects // China Quarterly of International Strategic Studies. V. 5. № 2. 2019. P. 197–212; Evenett S.J. The Smoot–Hawley fixation: putting the Sino-US trade war in contemporary and historical perspective // Journal of International Economic Law. V. 22. № 4. 2019. P. 535–555; Evenett S.J. Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the Global Financial Crisis // Journal of International Business Policy. V. 2. 2019. P. 9–36.

²⁶ Hackenbroich J. Reality Bytes: Europe's Bid for Digital Sovereignty. The European Council on Foreign Relations Commentary. 17 October 2018. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_reality_bytes_europes_bid_for_digital_sovereignty# (accessed 01.05.2021); Gomart T., Nocetti J., Tonon C. Europe: Subject or Object in the Geopolitics of Data? Études de l'Ifri. – Paris: Institut français des relations internationales, 2018; Expanding the EU's digital sovereignty // Official web-site of Germany's Presidency of the Council of the European Union. 27.10.2019. URL: <https://www.eu2020.de/eu2020-en/eu-digitalisation-technology-sovereignty/2352828> (accessed 10.01.2021); Madiega T. Digital Sovereignty for Europe. European Parliamentary Research Service (EPRS) Ideas Paper. 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (accessed 30.01.2021); Edler J. et al. Technology Sovereignty: From Demand to Concept. – Karlsruhe: Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, 2020.

БИБЛИОГРАФИЯ

Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35–46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.

Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 160–176. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10056.

Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. 544 с.

Новоселова Л. Экономика КНР в условиях торговой войны // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 76–84. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-76-84.

Примшиц Д., Голубев С. Китайский подход к ускоренному освоению технологий искусственного интеллекта // Наука и инновации. 2019. № 4. С. 43–50. DOI: 10.29235/1818-9857-2019-4-43-50.

Федоровский А. Южнокорейский опыт внешнеориентированного развития: уроки для России // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 7. С. 47–51.

Эльянов А.Я. НТП и экономическая политика на периферии мирового хозяйства // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 74–85.

- Allen G., Chan T. *Artificial Intelligence and National Security*. – Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2017. 120 p.
- Briscoe E., Fairbanks J. Artificial scientific intelligence and its impact on national security and foreign policy // *Orbis*. V. 64. № 4. 2020. P. 544–554. DOI: 10.1016/j.orbis.2020.08.004.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
- Capri A. *Techno-nationalism: The US-China Tech Innovation Race*. Hinrich Foundation Report. August 2020. 41 p.
- Edler J. et al. *Technology Sovereignty: From Demand to Concept*. – Karlsruhe: Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, 2020. 27 p.
- Evenett S.J. The Smoot–Hawley fixation: putting the Sino-US trade war in contemporary and historical perspective // *Journal of International Economic Law*. V. 22. № 4. 2019. P. 535–555. DOI: 10.1093/jiel/jgz039.
- Evenett S.J. Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the Global Financial Crisis // *Journal of International Business Policy*. V. 2. 2019. P. 9–36. DOI: 10.1057/s42214-019-00021-0.
- Fatima S., Desouza K.C., Dawson G.S. National strategic artificial intelligence plans: a multi-dimensional analysis // *Economic Analysis and Policy*. V. 67. 2020. P. 178–194. DOI: 10.1016/j.eap.2020.07.008
- Gomart T., Nocetti J., Tonon C. *Europe: Subject or Object in the Geopolitics of Data? Études de l'Ifri*. – Paris: Institut français des relations internationales, 2018. 45 p.
- Greene R., Triolo P. Will China Control the Global Internet via Its Digital Silk Road? *Carnegie Endowment for International Peace Commentary*. 8 May 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/05/08/will-china-control-global-internet-via-its-digital-silk-road-pub-81857> (accessed 01.04.2021).
- Hackenbroich J. Reality Bytes: Europe's Bid for Digital Sovereignty. *The European Council on Foreign Relations Commentary*. 17 October 2018. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_reality_bytes_europes_bid_for_digital_sovereignty# (accessed 01.05.2021).
- Hansen L., Nissenbaum H. Digital disaster, cyber security, and the Copenhagen School // *International Studies Quarterly*. V. 53. 2009. P. 1155–1175.
- Helbing D., Frey B.S., Gigerenzer G., Hafen E., Hagner M., Hofstetter Y., Van den Hoven J., Zicari R.V., Zwitter A. Will democracy survive big data and artificial intelligence? // *Scientific American*. 25 February 2017. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/will-democracy-survive-big-data-and-artificial-intelligence> (accessed 10.01.2021).
- Hufbauer C.G., Schott J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3d ed. – Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2008. 248 p.
- Johnson-Freese J., Erickson A.S. The emerging China–EU space partnership: a geotechnological balancer // *Space Policy*. V. 22. 2006. P. 12–22. DOI: 10.1016/j.spacepol.2005.11.001.
- Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The political economy of economic sanctions // *Handbook of Defense Economics*. V. 2. Eds. T.Sandler and K.Hartley. – Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 867–911. DOI: 10.1016/S1574-0013(06)02027-8.
- Kennedy A.B. China's search for renewable energy pragmatic techno-nationalism // *Asian Survey*. V. 53. № 5. 2013. P. 909–930. DOI: 10.1525/AS.2013.53.5.909.
- Kuehn A., McConnell B. *Weathering TechNationalism: A Security and Trustworthiness Framework to Manage*. – N.Y.: EastWest Institute, 2020. 37 p.
- Madiega T. *Digital Sovereignty for Europe*. European Parliamentary Research Service (EPRS) Ideas Paper. 2020. 12 P. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (accessed 30.01.2021).
- Manning R.A. Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution // *Global Asia*. V. 14. № 1. 2019. URL: https://www.globalasia.org/v14no1/cover/techno-nationalism-vs-the-fourth-industrial-revolution_robert-a-manning (accessed 10.01.2021).
- Mazzucato M. *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. – L.: Demos, 2011. 266 p.
- Montresor S. Techno-globalism, techno-nationalism and technological systems: organizing the evidence // *Technovation*. V. 21. № 7. 2001. P. 399–412. DOI: 10.1016/S0166-4972(00)00061-4.
- Nakayama S. Techno-nationalism versus Techno-globalism // *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*. V. 6. № 1. 2012. P. 9–15. DOI: 10.1215/18752160-1504708.

- Petrella S., Miller C., Cooper B. Russia's artificial intelligence strategy: the role of state-owned firms // *Orbis*. V. 65. № 1. 2021. P. 75–100. DOI: 10.1016/j.orbis.2020.11.005.
- Roberts H., Cows J., Morley J. et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // *AI & Society*. V. 36. 2021. P. 59–77. DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2.
- Ross A. Digital diplomacy and US foreign policy // *The Hague Journal of Diplomacy*. V. 6. № 3–4. 2011. P. 451–455. DOI: 10.1163/187119111X590556.
- Shim Y., Shin D.-H. Neo-techno nationalism: the case of China's handset industry // *Telecommunications Policy*. V. 40. № 2–3. 2016. P. 197–209. DOI: 10.1016/j.telpol.2015.09.006.
- Sun H. U.S.-China tech war impacts and prospects // *China Quarterly of International Strategic Studies*. V. 5. № 2. 2019. P. 197–212. DOI: 10.1142/S237774001950012X.
- Techno-nationalism and Techno-globalism. Eds. S.Ostry and R.R.Nelson. – Washington D.C.: The Brookings Institution, 1995. 132 p.
- Triolo P., Allison K., Brown C., Broderick K. The Digital Silk Road: expanding China's digital footprint // *Eurasia Group*. 08.04.2020. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint-1.pdf> (accessed 10.01.2021).
- Wade R.H. The developmental state: dead or alive? // *Development and Change*. V. 49. № 2. 2018. P. 518–546. DOI: 10.1111/dech.12381.
- Wade R.H. Bringing the state back in: lessons from East Asia's development experience // *International Politics and Society*. № 2. 2005. P. 98–115.
- Wade R.H. The paradox of US industrial policy: The developmental state in disguise // *Transforming Economies: Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development*. Eds. J.M.Salazar-Xirinachs, I.Nübler, R.Kozul-Wright. – Geneva: International Labor Organization, 2014. P. 379–400.

BIBLIOGRAPHY

- Allen G. and Chan T. (2017). *Artificial Intelligence and National Security*. Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. 120 p.
- Briscoe E. and Fairbanks J. (2020). Artificial Scientific Intelligence and Its Impact on National Security and Foreign Policy. *Orbis*. V. 64. No. 4. 544–554. DOI: 10.1016/j.orbis.2020.08.004.
- Buzan B., Waever O., and de Wilde J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 239 p.
- Capri A. (2020). *Techno-nationalism: The US-China Tech Innovation Race*. Hinrich Foundation Report. August. 41 p.
- Danilin I.V. (2020). Amerikano-kitaiskaya tehnologicheskaya voina: riski i vozmozhnosti dlya KNR i global'nogo tehnologicheskogo sektora [The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for China and for the Global Technology Sector]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics]. V. 11. No. 4. 160–176. DOI:10.24411/2221-3279-2020-10056.
- Edler J. et al. (2020). *Technology Sovereignty: From Demand to Concept*. Karlsruhe: Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research. 27 p.
- El'yanov A.Ya. (2005). NTP i ekonomicheskaya politika na periferii mirovogo hozyaistva [Scientific and Technical Progress and Economic Policies at the Periphery of the World Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. No. 4. 74–85.
- Evenett S.J. (2019). The Smoot–Hawley Fixation: Putting the Sino-US Trade War in Contemporary and Historical Perspective. *Journal of International Economic Law*. V. 22. No. 4. 535–555. DOI: 10.1093/jiel/jgz039.
- Evenett S.J. (2019). Protectionism, State Discrimination, and International Business since the Onset of the Global Financial Crisis. *Journal of International Business Policy*. V. 2. 9–36. DOI: 10.1057/s42214-019-00021-0.
- Fatima S., Desouza K.C., and Dawson G.S. (2020). National Strategic Artificial Intelligence Plans: A Multi-dimensional Analysis. *Economic Analysis and Policy*. V. 67. 178–194. DOI: 10.1016/j.eap.2020.07.008
- Fedorovskij A. (1999) Yuzhnokoreiskiy opyt vneshneorientirovannogo razvitiya: uroki dlya Rossii [South Korean Experience of Externally Oriented Development: Lessons for Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. No. 7. 47–51.

- Gomart T., Nocetti J., and Tonon C. (2018). *Europe: Subject or Object in the Geopolitics of Data?* Études de l'Ifri. Paris: Institut français des relations internationales (Ifri). 45 p.
- Greene R. and Triolo P. (2020). *Will China Control the Global Internet via Its Digital Silk Road?* Carnegie Endowment for International Peace Commentary. 8 May. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/05/08/will-china-control-global-internet-via-its-digital-silk-road-pub-81857> (accessed 01.04.2021).
- Hackenbroich J. (2018). *Reality Bytes: Europe's Bid for Digital Sovereignty*. The European Council on Foreign Relations Commentary. 17 October. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_reality_bytes_europes_bid_for_digital_sovereignty# (accessed 01.05.2021).
- Hansen L. and Nissenbaum H. (2009). Digital Disaster, Cyber Security, and the Copenhagen School. *International Studies Quarterly*. V. 53. 1155–1175.
- Helbing D., Frey B.S., Gigerenzer G., Hafen E., Hagner M., Hofstetter Y., Van den Hoven J., Zicari R.V., and Zwitter A. (2017). Will democracy survive big data and artificial intelligence? *Scientific American*. February 25. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/will-democracy-survive-big-data-and-artificial-intelligence> (accessed 10.01.2021).
- Hufbauer C.G., Schott J., Elliott K.A., and Oegg B. (2008). *Economic Sanctions Reconsidered*. 3d ed. Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
- Johnson-Freese J. and Erickson A.S. (2006). The Emerging China–EU Space Partnership: A Geotechnological Balancer. *Space Policy*. V. 22. 12–22. DOI: 10.1016/j.spacepol.2005.11.001.
- Kaempfer W.H. and Lowenberg A.D. (2007). The Political Economy of Economic Sanctions. In *Handbook of Defense Economics*. V. 2. Eds. T.Sandler and K.Hartley. Amsterdam: Elsevier. 867–911. DOI: 10.1016/S1574-0013(06)02027-8.
- Kennedy A.B. (2013). China's Search for Renewable Energy Pragmatic Techno-nationalism. *Asian Survey*. V. 53. No. 5. 909–930. DOI: 10.1525/AS.2013.53.5.909.
- Kissinger H. (2015). *Mirovoi poryadok* [The World Order]. Moscow: AST, 2015. 544 p.
- Kuehn A. and McConnell B. (2020). *Weathering TechNationalism: A Security and Trustworthiness Framework to Manage*. New York: EastWest Institute. 37 p.
- Madiega T. (2020). *Digital Sovereignty for Europe*. European Parliamentary Research Service (EPRS) Ideas Paper. 12 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (accessed 30.01.2021).
- Manning R.A. (2019). Techno-Nationalism vs. the Fourth Industrial Revolution. *Global Asia*. V. 14. No. 1. URL: https://www.globalasia.org/v14no1/cover/techno-nationalism-vs-the-fourth-industrial-revolution_robert-a-manning (accessed 10.01.2021).
- Mazzucato M. (2011). *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. London: Demos. 266 p.
- Montresor S. (2001). Techno-globalism, Techno-nationalism and Technological Systems: Organizing the Evidence. *Technovation*. V. 21. No. 7. 399–412. DOI: 10.1016/S0166-4972(00)00061-4.
- Nakayama S. (2012). Techno-nationalism versus Techno-globalism. *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*. V. 6. No. 1. 9–15. DOI: 10.1215/18752160-1504708.
- Novosiolova L. (2020). Ekonomika KNR v usloviyakh trgovoi voiny [The Economy of China during a Trade War]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya*. V. 64. No. 6. 76–84. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-76-84.
- Ostry S. and Nelson R.R., eds. (1995). *Techno-nationalism and Techno-globalism*. Washington D.C.: The Brookings Institution. 132 p.
- Petrella S., Miller C., and Cooper B. (2021). Russia's Artificial Intelligence Strategy: The Role of State-owned Firms. *Orbis*. V. 65. No. 1. 75–100. DOI: 10.1016/j.orbis.2020.11.005.
- Primshits D. and Golubev S. (2019). Kitaiskiy podkhod k uskorennomu osvoyeniyu tehnologii iskusstvennogo intellekta [The Chinese Approach to Accelerated Development of the Artificial Intelligence]. *Nauka i innovatsii*. No. 4. 43–50. DOI: 10.29235/1818-9857-2019-4-43-50.
- Roberts H., Cowls J., Morley J., et al. (2021). The Chinese Approach to Artificial Intelligence: An Analysis of Policy, Ethics, and Regulation. *AI & Society*. V. 36. 59–77. DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2.
- Ross A. (2011). Digital Diplomacy and US Foreign Policy. *The Hague Journal of Diplomacy*. V. 6. No. 3–4. 451–455. DOI: 10.1163/187119111X590556.
- Shim Y. and Shin D.-H. (2016). Neo-techno Nationalism: The Case of China's Handset Industry. *Telecommunications Policy*. V. 40. No. 2–3. 197–209. DOI: 10.1016/j.telpol.2015.09.006.
- Sun H. (2019). U.S.-China Tech War Impacts and Prospects. *China Quarterly of International Strategic Studies*. V. 5. No. 2. 197–212. DOI: 10.1142/S237774001950012X.

- Triolo P., Allison K., Brown C., and Broderick K. (2020). *The Digital Silk Road: Expanding China's digital footprint*. Eurasia Group. April 8. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint-1.pdf> (accessed 10.01.2021).
- Vinogradov A.O., Salitskii A.I., and Semionova N.K. (2019). Amerikano-kitaiskaya ekonomicheskaya konfrontatsiya: ideologiya, hronologiya, znachenije. [U.S.-China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Implications]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seria: Mezhdunarodnye otnoshenia*. V. 19. No. 1. 35–46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.
- Wade R.H. (2018). The Developmental State: Dead or Alive? *Development and Change*. V. 49. No. 2. 518–546. DOI: 10.1111/dech.12381.
- Wade R.H. (2005). Bringing the State Back in: Lessons from East Asia's Development Experience // *International Politics and Society*. No. 2. 98–115.
- Wade R.H. (2014). The Paradox of US Industrial Policy: The Developmental State in Disguise. In *Transforming Economies: Making industrial policy work for growth, jobs and development*. Eds. J.M.Salazar-Xirinachs, I.Nübler, and R.Kozul-Wright. Geneva: International Labor Organization. 379–400.